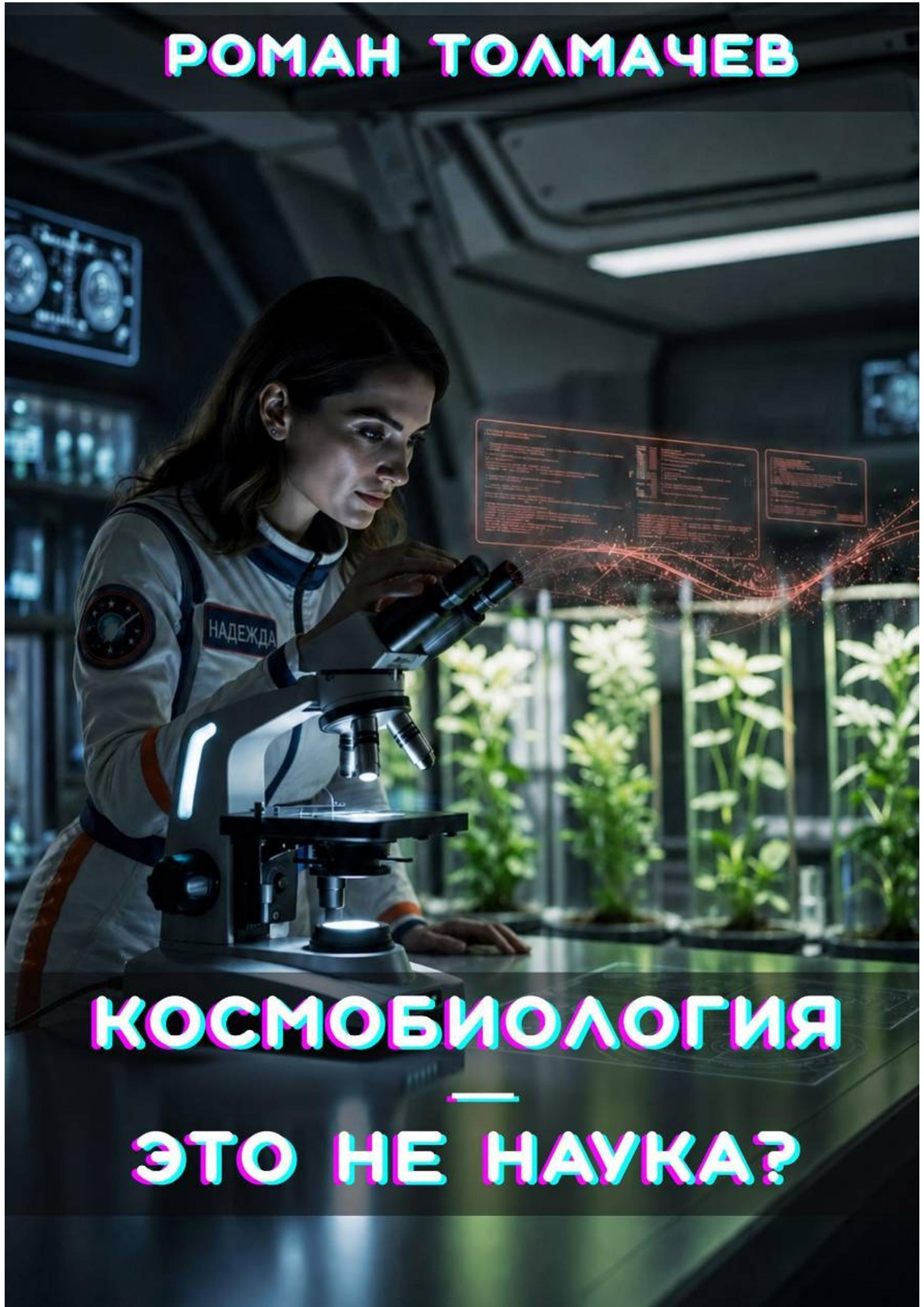

РОМАН ТОЛМАЧЕВ

КОСМОБИОЛОГИЯ

—
ЭТО НЕ НАУКА?

Роман Толмачев

Космобиология — это не наука?

«Автор»

2026

Толмачев Р. С.

Космобиология — это не наука? / Р. С. Толмачев — «Автор», 2026

Два года назад катастрофа превратила межзвёздный корабль «Надежда» в ледяной склеп. Выжили лишь десять человек. Теперь, когда первые раны залечены, экипажу предстоит столкнуться с невидимыми угрозами. Гидропонная ферма умирает, трубы жизнеобеспечения задыхаются от биологической плёнки, а люди балансируют на грани нервного срыва. Капитану-психологу Юрию Храброву приходится заново сшивать разорванные недоверием связи. Но главная угроза кроется в архивах корабля: биолог Сара находит доказательства того, что катастрофа не была случайностью. Среди спящих в криокамерах затаился тот, кто знает правду.

© Толмачев Р. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Точка отсчёта	5
Глава 2. Космобиология — не наука?	9
Глава 3. Невидимые раны	13
Глава 4. Доступ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Роман Толмачев

Космобиология — это не наука?

Глава 1. Точка отсчёта

Храбров проснулся в 5:44 — до сигнала. За иллюминатором — чернота с белыми точками. Звёзды здесь не мигают: нет атмосферы.

Он сел на койке, потёр лицо ладонями. Руки изменились за два года — огрубели, покрылись мелкими шрамами от работы с проводкой и металлом. Руки психолога, которые должны были держать планшет и термос с чаем, теперь привычнее сжимали гаечный ключ.

— ИИ, утренний рапорт.

— Доброе утро, капитан. Время полёта: два года, семь месяцев, четырнадцать дней. Скорость: пятнадцать процентов световой. Расстояние до Кеплера-442b: тридцать семь целых четыре десятых светового года. Расчётное время прибытия: тридцать семь лет, пять месяцев.

Храбров натянул комбинезон, застегнул молнию. Комбинезон был не тот, что выдали перед стартом — тот истёрся на локтях и коленях ещё в первый год после аварии. Этот сшила Астрид из запасной обивки кресел. Грубоватый, но прочный.

— Состояние систем?

— Реакторы: 84% мощности. Двигатели: крейсерский режим, расход топлива по графику. Жизнеобеспечение: норма. Температура в жилых секциях: двадцать один градус. Гидропонная ферма: 62% проектной мощности. Система рециклинга воды: сбой в четвёртой секции, биоплёнка на фильтрах, Томаш работает над проблемой вторые сутки.

— Состояние экипажа?

— Активных членов экипажа: десять. В криосне: тридцать четыре. Общее состояние здоровья активных: удовлетворительное. Аномалий не зафиксировано.

Десять. Из сорока четырёх.

Храбров вышел в коридор и начал утренний обход — ритуал, который завёл ещё в первые недели после катастрофы и не нарушал ни разу. Каждое утро, до завтрака, он проходил по всему кораблю. Не для того чтобы проверить системы — для этого был ИИ. Он проверял людей.

Коридор жилой секции В встретил его тёплым воздухом и запахом кофейного суррогата. Радж научился делать его из обжаренных корней какого-то растения, которое вырастил на ферме. Вкус был отдалённо похож на кофе, если не принимать во внимание.

У двери каюты номер семь Храбров замедлил шаг. За тонкой переборкой слышался храп — Томаш наконец уснул. Хорошо. Инженер не спал двое суток, возился с фильтрами. Храбров вчера мягко, но твёрдо выгнал его из машинного отделения: «Ты делаешь ошибки, которые не делал бы после шести часов сна. Иди. Фильтры подождут».

Томаш огрызнулся, но подчинился. Он всегда огрызался, но подчинялся. Храбров знал почему — не из-за субординации. Из-за доверия. Томаш доверял ему с того дня, когда проснулся после заморозки и увидел над собой лицо психолога, который в одиночку протащил его окоченевшее тело через полкорабля.

Каюта номер двенадцать — Ким. Тишина. Корец спал беззвучно, как кошка. Но Храбров знал то, чего Ким не рассказывал никому: по данным браслета, его пульс трижды за ночь подскакивал до ста двадцати. Панические атаки во сне. Ким не жаловался, не просил помощи. Просто каждое утро выходил из каюты с чуть покрасневшими глазами и молча шёл на работу.

Храбров сделал пометку в планшете: «Ким. Ночные эпизоды продолжаются. Четвёртая неделя. Пора вмешиваться. Формат — неофициальный».

Каюта номер три — Анна Волкова. Дверь была приоткрыта. Храбров заглянул: Анна уже не спала. Она сидела на койке, делая упражнения для ног — медленно сгибала и разгибала колени. Лицо сосредоточенное, губы сжаты. Она увидела его в дверном проёме и кивнула:

— Доброе утро, капитан.

— Доброе. Как ноги?

— Лучше. Вчера дошла до столовой без остановок.

— Юки знает?

— Конечно. Юки знает всё. — Анна усмехнулась. — Иногда мне кажется, что она следит за мной через стены.

Храбров улыбнулся и пошёл дальше. Анна восстанавливалась. Медленно, упрямо, по пять шагов в день. Но восстанавливалась. Вопрос был в другом: что будет, когда она восстановится полностью? Бывший командир на корабле, которым командует другой человек. Храбров видел в матрице экипажа тонкую жёлтую нить между своей точкой и точкой Анны. Не красную — жёлтую. Пока.

Он спустился на нижнюю палубу. Здесь было холоднее — секция D работала на пониженном режиме отопления после того, как часть мощности перебросили на ферму. Обитатели секции D — Пьер и Карлос — не жаловались. Они просто стали спать в двойных спальниках.

В конце коридора Храбров остановился перед запертой дверью с красной маркировкой: «Секция F. Криохранилище. Доступ ограничен».

За этой дверью лежали тридцать четыре человека. Его люди. Замороженные, но живые. Храбров положил ладонь на холодный металл. Постоял несколько секунд — ритуал, от которого не отказаться. Убрал руку и пошёл в столовую.

Столовая «Надежды» за два года превратилась из стерильного зала с привинченными стульями в нечто, отдалённо напоминающее земную кухню. Марко, итальянский повар, повесил на стену самодельный календарь — каждый день он зачёркивал число и рисовал рядом маленькую картинку. Сегодня это был помидор. Видимо, на ферме что-то созрело.

На соседней стене Диего прикрепил фотографию — распечатку из архива корабля. Закат над мексиканским побережьем. Оранжевый, розовый, золотой. Цвета, которых здесь не было. Храбров заметил, что экипаж часто останавливался у этой фотографии. Просто стояли и смотрели. Никто не комментировал. Но фотографию никто не снял.

Радж уже завтракал — торопился на ферму. Перед ним стояла тарелка с кашей из корабельных злаков и нарезанными листьями салата.

— Доброе утро, капитан, — кивнул он.

— Как ферма?

— Шестьдесят два процента. — Радж нахмурился. — Должно быть больше. Третий отсек отстаёт. Не пойму почему.

— Может, Саре стоит посмотреть?

Радж поднял бровь:

— Сара — биолог. Она работает с БКВ и лабораторией. Ферма — моя ответственность.

— Никто не сомневается. Но иногда свежий взгляд помогает.

Радж промолчал, что означало «я подумаю, но не обещаю». Храбров знал этот тип молчания — работал с ним два года.

В столовую вошли Пьер и Карлос. Они выглядели как два человека, которые только что о чём-то спорили, но при виде капитана переключились на нейтральные выражения лица.

— Доброе утро, — хором сказали они.

— Что не поделили? — спросил Храбров.

— Ничего, — быстро ответил Карлос.

— Он опять занял душ на двадцать минут, — сказал Пьер.

— Пятнадцать! — возмутился Карлос. — И у меня были грязные волосы!

— У тебя волосы два сантиметра. Какая грязь?

Храбров усмехнулся. Бытовые мелочи. На Земле — ерунда. На корабле, где десять человек делят один душ с ограничением по воде, — потенциальный конфликт. Он сделал мысленную пометку: поговорить с Томашем о графике душевой. Или лучше — предложить экипажу самим составить график. Пусть договариваются. Чем больше мелких решений они принимают сами, тем крепче ощущение контроля над своей жизнью.

Ингрид появилась последней. Она вошла, не здороваясь, налила себе воды, села в углу. Открыла планшет и уткнулась в него. Ни с кем не заговорила.

Два года назад Храбров запланировал свести её с Карлосом через спортивный турнир. Катастрофа сорвала план. После пробуждения Ингрид стала ещё более замкнутой. Она безукоризненно выполняла работу в реакторном отсеке, но за его пределами существовала как тень. Храбров наблюдал за ней через матрицу: точка Ингрид висела на периферии, соединённая с остальными тончайшими серыми нитями. Не красными, не жёлтыми — серыми. Отсутствие связи хуже конфликта.

Но вчера произошло кое-что. Ингрид села в столовой рядом с Кимом. Молча. Просто села. Ким молча подвинул ей тарелку. Она молча кивнула. Два интроверта нашли друг друга без единого слова. Храбров отметил это в матрице и решил не вмешиваться. Иногда лучший инструмент психолога — терпение.

Он допил свой суррогатный кофе, поставил кружку в мойку и вышел.

В коридоре он остановился у информационной панели. На ней светилось расписание дня:

07:00 — Подъём, завтрак.

08:00 — Рабочие смены.

12:00 — Обед.

13:00 — Рабочие смены (продолжение).

18:00 — Ужин.

19:00 — Свободное время.

22:00 — Отбой.

Простой распорядок. Но за его простотой стояла продуманная система. Храбров составлял его не как администратор, а как психолог. Восемь часов работы — чтобы люди чувствовали себя нужными. Час на обед — чтобы собирались вместе. Три часа свободного времени — чтобы оставалось пространство для личной жизни. Ранний отбой — чтобы высыпались.

Каждый элемент расписания был инструментом. Каждый — подпоркой для психики людей, запертых в металлической трубе посреди ничего.

Храбров направился на мостик. По дороге он прошёл мимо рекреационного зала. Дверь была открыта. Внутри Диего сидел с гитарой на коленях, перебирая струны. Мелодия была тихой, медленной — что-то латиноамериканское, с привкусом тоски по дому. Диего играл каждое утро. Это тоже стало ритуалом — как обход Храброва, как каша Раджа, как молчание Ингрид.

Ритуалы держали корабль на плаву не хуже реакторов.

На мостике Храбров сел в капитанское кресло и вывел на экран матрицу экипажа. Десять точек. Десятки активных нитей. За два года картина менялась каждый день — кто-то сближался, кто-то отдалялся, кто-то застыл на месте.

Храбров смотрел на сложившуюся конфигурацию и думал о тех тридцати четырёх, которые спали за запертой дверью секции F. Когда-нибудь эта матрица снова станет в четыре раза больше. В четыре раза сложнее. В четыре раза опаснее.

Но это потом. Сейчас — десять человек. Десять живых точек в бесконечной пустоте.

Корабль «Надежда» летел дальше. За кормой — почти три года пустоты. Впереди — тридцать семь. И никакой уверенности, что всё будет хорошо.

Храбров закрыл матрицу и открыл список задач на день. Первым пунктом значилось: «Поговорить с Сарой. Ферма».

Он встал и пошёл в лабораторию.

Глава 2. Космобиология — не наука?

Храбров сидел в своём кабинете перед голографической картой звёзд. Когда Сара вошла, он не обернулся — только кивнул на кресло напротив.

— Садись.

Сара села. Перед ней на столе мерцала синим светом карта — крошечная точка «Надежды» ползла по пунктирной линии к далёкой звезде.

— Мне нужен полный доступ к логам БКВ, — сказала Сара без предисловий.

Храбров наконец повернулся. Посмотрел на неё долгим взглядом.

— У тебя есть доступ. Ты хранитель комплекса.

— Не полный. Я вижу текущие показатели и стандартную историю. Но есть глубинные логи — системные журналы контроллеров, записи с каждого датчика в отдельности. Мне нужен доступ к ним.

— Зачем?

Сара на секунду замялась. Сказать правду — что она заметила аномалию за день до катастрофы? Она ещё не была уверена, что это не ошибка. Если сказать — Храбров либо отмахнётся, либо поднимет панику.

— Хочу проверить одну гипотезу, — сказала она. — По поводу фермы. Возможно, проблема не только в бактериях, но и в том, как система хранила семена до старта. Мне нужно посмотреть логи загрузки.

Храбров изучал её ещё несколько секунд. Сара не отвела взгляд.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я открою тебе доступ. Но с условием.

— С каким?

— Мне нужна твоя помощь в другом.

Он встал, подошёл к стене, где висела общая схема «Надежды». Коснулся пальцем — схема подсветилась.

— Вот здесь, — он указал на переплетение линий в четвёртой секции, — система рецилинга воды. Томаш и Ким бьются с ней третьи сутки. Плёнка забивает фильтры быстрее, чем они успевают их менять. До меня дошло, что вчера ты говорила про биологический контроль. Это реально?

— Да. У меня есть культура бактерий, которые подавляют рост биоплёнки.

— Почему не сказала Томашу сразу?

— Он не спросил. — Сара пожала плечами. — А когда я предложила, он сказал «не лезь в наши трубы».

Храбров усмехнулся.

— Томаш — хороший инженер, но он не любит, когда в его системы лезут посторонние. Тем более — биологи.

— А я не люблю, когда мои методы называют «не наукой».

— Значит, у вас взаимная неприязнь. — Храбров вернулся в кресло. — Но кораблю всё равно. Ты можешь доказать, что твой метод работает?

— Могу.

— Тогда докажи. Я дам тебе один участок труб. Если сработает — Томашу придётся признать.

— А если нет?

— Тогда мы возвращаемся к химии. И ты теряешь авторитет.

Сара кивнула. Она понимала ставки.

— Доступ к логам будет через час, — сказал Храбров. — Иди работай.

Из кабинета Храброва Сара направилась напрямик на ферму. Радж возился с тестовым лотком — менял положение ламп, поправлял трубки подачи раствора.

— Как дела? — спросила Сара.

— Всё то же. — Радж выпрямился, потёр поясницу. — Не растут. Не умирают. Висят в промежуточном состоянии.

Сара взяла пробу раствора из лотка маленьким шприцем и перенесла в пробирку.

— Я посмотрю под микроскопом.

— Смотри, — буркнул Радж. — Только не навреди.

В лаборатории Сара поставила пробирку в анализатор. Загудел вентилятор. На экране побежали цифры: pH, электропроводность, концентрация азота, фосфора, калия. Всё в пределах нормы.

— Странно, — пробормотала она.

Переключила режим на биологический анализ. Микроскоп вошёл в работу — начал сканировать образец на наличие микроорганизмов.

Через три минуты появился результат.

Бактерий почти не было.

Сара нахмурилась. Она ожидала снижение, но не до такой степени. В нормальной почве — или в хорошо настроенной гидропонике — бактерии исчисляются миллионами на миллилитр. Здесь — считанные единицы.

— То есть растения голодают, — сказала она вслух. — Нет симбионтов — нет усвоения. Они едят, но не могут переварить.

В дверь постучали. Вошёл Пьер.

— Не отвлекаю? — спросил он.

— Нет. Заходи.

Пьер подошёл к столу, заглянул в микроскоп.

— Что на этот раз? — спросил он.

— Бактерии. Вернее, их отсутствие.

— А, — Пьер понимающе кивнул. — У меня на Земле был случай. Мы работали с замкнутой экосистемой на полигоне во Французской Гвиане. Там тоже всё росло плохо, пока кто-то не догадался добавить культуру бактерий из местного леса. Через неделю растения пошли в рост.

Сара подняла голову.

— Серьёзно?

— Вполне. — Пьер улыбнулся. — Я сам не верил, пока не увидел.

— Ты бы мог рассказать это Раджу.

— Радж мне не поверит. Он считает, что геологи только камни умеют считать.

Сара усмехнулась. Пьер был прав — отношения между специальностями на корабле оставались напряжёнными. Инженеры не доверяли биологам, биологи — геологам, а все вместе — капитану-психологу, который теперь командовал кораблём.

— Спасибо, Пьер, — сказала Сара. — Это помогло.

— Обращайся. — Он направился к выходу, но остановился. — И знаешь что? Не дай им себя задвинуть. Ты права насчёт бактерий. Я в этом уверен.

Он вышел.

Сара осталась одна в лаборатории. Перед ней на экране светились логи БКВ — Храбров уже открыл ей доступ. Она пролистала вчерашний лог, нашла тот самый скачок температуры на сегменте С-7.

Ноль целых одна десятая градуса. Доли секунды.

— Кто ты? — прошептала она, глядя на график. — Случайность или нет?

Ответа Сара не находила.

После обеда Храбров собрал небольшое совещание.

В столовой собрались все, кроме Томаша, который по-прежнему сидел в машинном отделении, и Ингрид, которая патрулировала реакторную.

— У нас две проблемы, — начал Храбров. — Ферма и водопровод. Сара работает над фермой. По водопроводу — у неё есть предложение.

Сара встала.

— Биоплёнка, которая забивает фильтры, — это живые организмы. Химия убивает их временно, но они возвращаются, потому что экосистема труб остаётся благоприятной для их роста. Я предлагаю добавить в систему бактерий-конкурентов, которые вытеснят плёнку естественным путём.

Ким нахмурился.

— Ты хочешь запустить живые бактерии в наш водопровод?

— Да.

— А если они расплодятся и забьют трубы сильнее?

— Я подобрала штамм, который не образует колоний в трубах. Их задача — съесть биоплёнку и погибнуть.

— Откуда такая уверенность? — спросил Ким.

— Я моделировала это в лаборатории. Результаты положительные.

Томаш, который всё-таки появился в столовой к середине обсуждения, хмуро слушал, стоя у двери.

— Глупость, — сказал он. — Мы будем травить систему непроверенными бактериями, потому что биолог решила поиграть в инженера? Космобиология — это вообще не наука.

— Что? Космобиология — это не наука? — удивилась Сара.

— Я не считаю её наукой. Вот химия — это наука! — с наигранной гордостью заявил Томаш.

— И что ты предлагаешь? Ждать, пока химия протравит трубы насквозь? — парировала Сара.

— Я предлагаю не лезть в чужую зону ответственности. Ты разбирайся со своими цветочками, а воду мы починим сами.

— Но вы не чините, — сказала Сара тихо. — Уже третьи сутки прошли. А плёнка никуда не делась.

Томаш промолчал.

Храбров вмешался:

— Сара обработает один участок труб. Если за два дня результат будет положительным — расширяем метод. Если нет — возвращаемся к механической очистке.

Все посмотрели на Томаша. Он долго молчал.

— Ладно, — выдавил он наконец. — Один участок. Но если что-то пойдёт не так — я требую письменного отчёта, кто принял это решение.

— Я приму это решение, — сказал Храбров. — Отчёт будет подписан мной.

Томаш развернулся и вышел из столовой.

Вечером Сара сидела в своей каюте и смотрела на потолок.

День был долгим. Она перепроверила все свои расчёты по бактериям, взяла дополнительные пробы из тестового лотка, обработала участок труб в секции С. Руки гудели от усталости, но спать не хотелось.

В дверь постучали.

— Войдите.

Вошла Юки.

— Не спишь? — спросила она.

— Не могу.

Юки села на край койки рядом с Сарой.

— Тяжёлый день?

— Тяжёлый разговор, — сказала Сара. — Томаш меня терпеть не может.

— Томаш всех терпеть не может, — улыбнулась Юки. — Даже себя, наверное. Не принимай на свой счёт.

— Я и не принимаю. Но он прав в одном: я вторгаюсь в его зону ответственности. На Земле биолог никогда не полез бы в систему водоснабжения.

— На Земле — да. А здесь — все границы размыты, — сказала Юки. — Здесь каждый делает то, что умеет, а если не умеет — учится. Ты видела, как Храбров чинил проводку в первый месяц? Он психолог по образованию. А ему пришлось стать электриком.

Сара молчала.

— Ты на правильном пути, — сказала Юки. — Не сдавайся.

Она встала и направилась к выходу.

— Юки, — окликнула её Сара.

— Да?

— Спасибо, что зашла.

Юки улыбнулась и закрыла дверь.

Сара осталась одна.

Она открыла ноутбук и снова загрузила логи БКВ. Посмотрела на странный скачок температуры. Он не шёл из головы.

— Ладно, завтра, — сказала она себе. — Сначала ферма. Потом — тайны.

Но тайна уже поселилась в её голове и не собиралась уходить.

Глава 3. Невидимые раны

Кабинет космопсихолога располагался в тихом отсеке между медблоком и жилой секцией. До катастрофы это было уютное помещение с голографическим окном, за которым шумел сосновый лес. Теперь окно не работало — проектор сгорел при аварии, а запасного не было. Вместо леса на стене висела распечатка: горный пейзаж, который Пьер нашёл в базе данных корабля. Швейцарские Альпы. Зелёные склоны, снежные вершины, голубое небо.

Храбров включил терминал и активировал режим конфиденциальности. Дверь мягко щёлкнула замком. На экране развернулась матрица экипажа — десять точек, связанных паутиной нитей. Он изучал её каждый вечер, но сеансы проводил по утрам — пока голова свежая, пока интуиция не замылена дневной рутинной.

Сегодня в расписании стояли двое: Ким и Томаш. Оба «добровольно-принудительно» — Храбров не вызывал их официально, чтобы не создавать ощущения допроса. Он просто сказал Киму вчера за ужином: «Зайди утром, хочу обсудить график дежурств». А Томашу написал в планшет: «Есть техническая идея по фильтрам, нужен твой совет». Оба придут, думая, что разговор о работе. Оба ошибаются.

Это была часть метода. На Земле человек приходил к психологу сам — у него была мотивация, готовность к разговору. Здесь мотивации не было. Были десять человек, которые считали себя здоровыми, потому что не кашляли и не хромали. А то, что Ким просыпался по ночам в холодном поту, а Томаш работал до обмороков — это они называли «характером».

Храбров называл это иначе. Посттравматическое стрессовое расстройство, хроническая фаза, компенсированная форма. Люди, которые умерли и воскресли, не могут жить так, будто ничего не случилось. Рано или поздно это догонит каждого.

Ким пришёл в восемь тридцать. Точный, как всегда. Сел в кресло напротив Храброва, положил руки на колени. Лицо спокойное, закрытое — профессиональная маска, которую он носил с первого дня.

— Капитан, вы хотели обсудить график дежурств?

— Да. — Храбров вывел на экран таблицу смен. — Смотри, у тебя три ночных дежурства подряд на следующей неделе. Не многовато?

— Нормально. Я привык работать ночью.

— Привык — или не можешь уснуть?

Ким моргнул. Единственная трещина в маске — но Храбров её увидел.

— С чего вы взяли?

Храбров не стал врать. Врать тому, кто доверяет, — худшее, что может сделать психолог. Особенно тому, кто сам умеет врать профессионально.

— Браслет, — сказал он просто. — Твой пульс поднимается до ста двадцати три-четыре раза за ночь. Длительность эпизодов — от двух до семи минут. Это не кошмары, Ким. Это панические атаки.

Корец молчал. Его руки, лежавшие на коленях, чуть сжались.

— Как давно? — спросил Храбров.

— Четыре недели, — ответил Ким после паузы. Голос ровный, но тише обычного. — Может, пять.

— Расскажи, что происходит.

— Ничего особенного. Просыпаюсь. Сердце колотится. Не могу дышать. Через пару минут проходит.

— А перед тем, как просыпаешься? Снится что-нибудь?

Ким отвёл взгляд. Посмотрел на горный пейзаж на стене. Долго молчал.

— Лёд, — сказал он наконец. — Мне снится, что я снова замерзаю. Стою в машинном отделении, пытаюсь включить резервное отопление, а пальцы не двигаются. Я вижу, как иней ползёт по стенам. Вижу, как Томаш падает рядом. Хочу его поднять — а руки уже не мои. И потом — темнота.

Он замолчал. В кабинете стало очень тихо.

— Ты помнишь момент заморозки? — осторожно спросил Храбров.

— Нет. Последнее, что помню — красные лампочки на распределительном щите. А потом — ваше лицо. Через два года.

— Но мозг помнит то, что ты не помнишь сознательно. Тело помнит холод. Мышцы помнят, как отказывали. И когда ты засыпаешь и контроль ослабевает — память возвращается.

Ким кивнул. Медленно, будто каждый кивок стоил усилий.

— Я думал, что справлюсь сам, — сказал он. — Я всегда справлялся сам.

— Знаю. — Храбров наклонился вперёд. — И на Земле ты бы справился. Там можно выйти на улицу, пробежать пять километров, выпить в баре с друзьями, проснуться утром и начать сначала. Здесь выхода нет. Буквально. Стены те же, люди те же, темнота за иллюмина- тором та же. Мозгу некуда сбросить напряжение — и он сбрасывает его ночью, через тело.

— И что мне делать?

Храбров откинулся в кресле. Он не собирался давать таблетки. Не собирался предлагать медитацию или дыхательные упражнения — Ким был человеком действия, а не созерцания. Ему нужен был инструмент, который работал бы в его системе координат.

— Ты инженер, — сказал Храбров. — Ты чинишь системы. Когда система барахлит — ты находишь неисправность и устраняешь её. Верно?

— Верно.

— Твой мозг — тоже система. И сейчас в ней есть неисправность: петля обратной связи. Ты засыпаешь — мозг воспроизводит травму — тело реагирует паникой — ты просыпаешься — не высыпавшись — стресс растёт — мозг снова воспроизводит травму. Замкнутый контур.

Ким слушал внимательно. Инженерная метафора работала — Храбров видел, как его глаза чуть прищурились, как он мысленно «рисовал схему».

— Чтобы разорвать контур, нужно вставить в него прерыватель, — продолжил Храбров. — Перед сном ты будешь делать одну вещь. Не медитацию, не дыхание — я знаю, ты это не любишь. Ты будешь брать планшет и записывать три вещи, которые ты сегодня починил. Не «сделал» — а именно «починил». Вернул в рабочее состояние. Это может быть фильтр, провод, кран в душевой, что угодно.

— Зачем?

— Затем, что твой мозг ночью прокручивает момент, когда ты не смог починить отопле- ние. Когда системы отказали, а ты был бессилен. Это корень. Если перед сном ты напомним мозгу, что сегодня ты починил три вещи — ты перезаписываешь программу. Не «я бессилен», а «я справляюсь». Каждый вечер.

Ким долго молчал. Потом сказал:

— Три вещи?

— Три. Не больше, не меньше. И конкретно. Не «работал в машинном». А «заменял прокладку на третьем контуре, перепаял реле в щитке секции В, отрегулировал давление в трубе душевой».

— Это звучит... слишком просто.

— Простые вещи работают лучше сложных. Ты же инженер — должен знать.

Ким встал. Кивнул. Не улыбнулся — он вообще редко улыбался. Но плечи чуть рассла- бились. Храбров заметил.

— Через неделю зайди, — сказал Храбров. — Обсудим, как работает.

— Хорошо. — Ким дошёл до двери и остановился. — Капитан.

— Да?

— Спасибо, что не стали делать из этого проблему.

— Это не проблема, Ким. Это нормальная реакция нормального человека на ненормальную ситуацию.

Кореец кивнул и вышел. Храбров записал в журнал: «Кейс 47. Ким. ПТСР, хроническая фаза. Ночные панические атаки, 4–5 недель. Назначен метод когнитивной перезаписи через профессиональную фиксацию. Контроль через 7 дней. Прогноз осторожно положительный».

Он откинулся в кресле и потёр переносицу. Один готов. Следующий будет сложнее.

Томаш пришёл в девять пятнадцать — с опозданием на пятнадцать минут и с пятном машинного масла на щеке.

— Прости, капитан, задержался у фильтров. — Он плюхнулся в кресло, не дожидаясь приглашения. — Ты говорил, есть идея? По биоплёнке?

— Есть. — Храбров выдержал паузу. — Но сначала — другой вопрос. Когда ты последний раз спал больше четырёх часов?

Томаш нахмурился.

— При чём тут сон?

— При том, что ты третьи сутки живёшь в машинном отделении. Ешь там, спишь там, наверное, скоро начнёшь душ там принимать. Ким говорит, что ты отказываешься от помощи. Юки говорит, что ты пропустил два медосмотра. Радж говорит, что ты не появлялся в столовой три дня.

— У меня работа, — отрезал Томаш. — Фильтры сами себя не починят.

— Фильтры подождут. А ты — нет.

Томаш скрестил руки на груди. Защитная поза. Храбров знал её наизусть — видел десятки раз на Земле, у людей, которые приходили не по своей воле.

— Послушай, — сказал Храбров, меняя тон на более мягкий. — Я не собираюсь читать тебе лекцию. Я просто хочу понять: почему ты не можешь остановиться?

— Потому что если я остановлюсь — всё развалится.

— Что именно?

— Всё! — Томаш вскочил. — Фильтры, трубы, вентиляция, проводка — всё держится на соплях! Я чиню одно — ломается другое. Латаю второе — сыпется третье. Этот корабль уже два года нормально не обслуживали! Два года! Половина систем работает в аварийном режиме, запчастей нет, инструментов не хватает, и на весь корабль — два инженера! Два, капитан! Я и Ким!

Он замолчал, тяжело дыша. Храбров не перебивал. Ждал.

— Я боюсь, — сказал Томаш тише. — Боюсь, что если я лягу спать на восемь часов — за эти восемь часов что-нибудь откажет. И люди пострадают. Опять. Как тогда.

Вот оно. Храбров нашёл корень. Не переутомление. Не трудоголизм. Страх. Тот же страх, что у Кима, но вывернутый наизнанку. Ким боялся собственной беспомощности. Томаш боялся, что его беспомощность убьёт других.

— Томаш, — сказал Храбров спокойно. — Сядь.

Поляк сел. Руки дрожали.

— Ты помнишь, что произошло, когда ты пытался запустить резервное отопление?

— Конечно помню. Пальцы не гнулись. Ким упал рядом. Я не смог...

— Ты не смог, потому что температура была минус тридцать восемь. Ни один человек на Земле не смог бы. Это не твоя вина.

— Я знаю, что не моя вина. Умом — знаю. Но...

— Но тело не знает. Тело помнит момент, когда ты не смог повернуть вентиль. И теперь заставляет тебя крутить вентили двадцать часов в сутки, чтобы компенсировать тот единственный раз, когда не получилось.

Томаш смотрел на него. Глаза покраснели.

— Ты сейчас работаешь не на корабль, — сказал Храбров. — Ты работаешь на свой страх. И страх никогда не скажет «достаточно». Он всегда будет требовать ещё. Ещё одну проверку, ещё одну трубу, ещё одну бессонную ночь. Пока ты не упадёшь.

— И что мне делать? Забить на фильтры?

— Нет. Делать то, что делают хорошие инженеры: распределять нагрузку. Ты не один. Есть Ким. Есть Ингрид — она реакторщица, но аналитический склад ума у неё лучше, чем у нас с тобой. Есть Пьер — он геолог, но руки у него из нужного места. Научи их. Раздели ответственность. Если ты свалишься — корабль потеряет единственного главного инженера. Это рациональный аргумент, Томаш. Подумай над ним.

Томаш молчал. Долго. Потом выдохнул — длинно, со свистом, будто выпустил воздух из перекачанной шины.

— Я попробую, — сказал он. — Но не обещаю.

— Не нужно обещать. Нужно начать. Сегодня — восемь часов сна. Завтра — составим список задач, которые можно делегировать. Послезавтра — первое занятие для Пьера по обслуживанию фильтров.

— Пьер сожжёт фильтры к чертям.

— Значит, ты его научишь не сжигать.

Томаш фыркнул. Но это был живой фырк — не усталый, не злой. Почти смешок.

— Ладно, — сказал он, вставая. — Восемь часов. Но если за эти восемь часов что-то рванёт — я скажу, что это ты виноват.

— Договорились.

Томаш вышел. Храбров записал в журнал: «Кейс 48. Томаш. Комппульсивный гиперконтроль на фоне посттравматического чувства вины. Базовый страх: "если я остановлюсь, люди погибнут". Назначена программа делегирования ответственности. Ключевая задача: снизить субъективную незаменимость без потери самооценки. Контроль ежедневный, неформальный. Прогноз: при условии соблюдения режима сна — положительный в течение 2–3 недель».

Храбров закрыл журнал и откинулся в кресле. Два сеанса за утро. Два разных человека, два разных страха — и один корень: катастрофа, которая произошла два года назад и до сих пор жила внутри каждого из них.

Он открыл матрицу и посмотрел на оставшиеся точки. Карлос — яркая, подвижная, но с участвовавшими всплесками агрессивного юмора. Маска весельчака, за которой пряталась тревога. Храбров пока наблюдал, не вмешиваясь. Карлос был из тех, кто закрывается от прямого разговора и открывается только в действии. Его нужно загрузить работой, которая даст ему ощущение ценности, — и ждать, пока он сам заговорит.

Анна — отдельная история. Храбров выделил её точку на матрице. Связи с экипажем восстанавливались, но одна нить оставалась напряжённо-жёлтой: связь с ним самим. Бывший командир и новый капитан. Она не боролась за власть — она боролась за идентичность. Кто она теперь? Пациентка? Советница? Пенсионерка? Храбров знал, что этот вопрос мучает её сильнее, чем больные ноги. Но лезть к ней с терапией было нельзя — Анна Волкова скорее откусит себе руку, чем признает, что ей нужна помощь психолога. С ней нужно было работать иначе. Дать ей роль. Настоящую, не декоративную. Но какую — он пока не решил.

Сара — зелёная точка. Стабильная, целеустремлённая, погружённая в работу. Но Храбров заметил кое-что в её поведении за последние дни: она стала задерживаться в лаборатории допоздна, стала избегать общих ужинов, стала проверять логи БКВ с одержимостью, которая не вписывалась в рабочую необходимость. Она что-то искала. Или от чего-то пряталась. Пока Храбров не знал, от чего именно, — но взял на заметку.

Он закрыл матрицу. За стеной приглушённо звучала гитара Диего. В столовой звенела посуда — Марко готовил обед. Где-то в машинном отделении гудели насосы, и Храбров пред-

ставил, как Томаш, скрепя сердце, уходит из отсека в свою каюту. Восемь часов сна. Может быть, первый полноценный отдых за неделю.

Храбров посмотрел на часы. Десять утра. Через два часа — обед. После обеда — обход. Вечером — наблюдение за Карлосом в столовой: как шутит, с кем сидит, как реагирует на Пьера.

Обычный день космопсихолога. Обычная работа — невидимая, тихая, бесконечная. Как починка труб, только внутри людей.

Он встал, выключил терминал и вышел из кабинета. В коридоре пахло чем-то похожим на жареный лук. Марко экспериментировал. Значит, вечером будет весело.

Два дня Сара жила в раздвоенном режиме.

Днём — ферма. Она приходила к Раджу в шесть утра, брала пробы из тестового лотка, несла в лабораторию, смотрела в микроскоп. Бактерии приживались медленно — культура росла, но не так быстро, как она рассчитывала. Радж молча стоял рядом, скрестив руки на груди, и каждый раз задавал один и тот же вопрос:

— Ну?

— Пока рано говорить, — отвечала Сара.

— У тебя три дня.

— Я помню.

Днём она была биологом. Учёным. Человеком, который решает конкретную, понятную задачу с измеримым результатом.

Ночью — другое.

Ночью она сидела в лаборатории перед экраном и листала логи Биологического Комплекса Восстановления. Стандартный доступ хранителя позволял ей видеть текущие показатели и базовую историю: температура, давление, состав раствора, уровень криопротекторов. Всё в норме. Всё зелёное. Всё идеально.

Кроме одной строчки.

Сегмент С-7. Скачок температуры на одну десятую градуса. Доли секунды. За день до катастрофы.

Она видела эту строчку уже третью ночь подряд. Пересматривала, перепроверяла, сравнивала с соседними датчиками. Ничего. Никаких подтверждений. Никаких объяснений. Просто крошечная аномалия, которая могла быть ошибкой датчика.

Но Сара не верила в ошибки датчиков. Не в БКВ. Не в системе, которую тестировали пять лет.

И рядом с аномалией в журнале доступа стояла фамилия. Митчелл.

На третью ночь она поняла: стандартного доступа не хватает. Она видела верхушку айсберга, но не могла заглянуть под воду. Ей нужны были системные журналы контроллеров — те, что фиксировали каждую команду, каждый запрос, каждое открытие и закрытие шлюза. Если Митчелл что-то делал в сегменте С-7 — системные журналы покажут, что именно.

Но доступ к ним был только у капитана.

Утром Сара направилась к кабинету Храброва. По дороге столкнулась в коридоре с Пьером — он нёс моток кабеля на плече и насвистывал что-то французское.

— Доброе утро, мадемуазель учёная, — сказал он с преувеличенным поклоном, насколько позволял моток кабеля. — Куда так рано?

— К капитану.

— О, серьёзный визит. По поводу бактерий?

— По поводу работы.

— Бактерии — это и есть твоя работа. Или у тебя появилась вторая? — Пьер прищурился с любопытством.

— У всех нас здесь по три работы, Пьер. Ты же сам вчера чинил проводку, хотя ты геолог.

— Я чинил проводку, потому что Томаш наконец-то лёг спать. — Пьер усмехнулся. — Между прочим, Храбров велел ему отдыхать. И знаешь что? Он послушался. Впервые за месяц.

— Храбров умеет убеждать.

— Храбров умеет пугать. Мягко, интеллигентно, но пугать. — Пьер переложил кабель на другое плечо. — Ладно, беги. Увидимся за обедом?

— Увидимся.

Пьер пошёл дальше, насвистывая. Сара смотрела ему вслед секунду дольше, чем нужно. Потом тряхнула головой и постучала в дверь кабинета.

Глава 4. Доступ

Храбров сидел перед голографической картой звёзд. Когда Сара вошла, он не обернулся — только кивнул на кресло напротив.

— Садись.

Сара села. Перед ней на столе мерцала синим светом карта — крошечная точка «Надежды» ползла по пунктирной линии к далёкой звезде. До Кеплера-442b оставалось ещё тридцать шесть лет. Сара поймала себя на мысли, что в этой точке — вся их жизнь. Больше у них ничего нет.

— Мне нужен полный доступ к логам БКВ, — сказала она без предисловий.

Храбров наконец повернулся. Посмотрел на неё долгим взглядом. Он умел смотреть — не как начальник оценивает подчинённого, а как человек, который привык читать лица раньше, чем услышит слова.

— Ты хранитель комплекса. У тебя есть доступ.

— Не полный. Я вижу текущие показатели и стандартную историю. Но есть глубинные логи — системные журналы контроллеров, записи с каждого датчика в отдельности, история доступа к сегментам. Мне нужен доступ к ним.

— Зачем?

Сара замялась. Всего на секунду — но Храбров заметил. Он всегда замечал.

— Хочу проверить одну гипотезу, — сказала она. — По поводу фермы. Возможно, проблема не только в бактериях, но и в том, как система хранила семена до старта. Мне нужно посмотреть логи загрузки.

Это было не совсем враньё. Но и не совсем правда. И Храбров это видел — Сара была уверена. Но он не стал давить. Не сейчас.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я открою тебе доступ. Но с условием.

— С каким?

— Мне нужна твоя помощь.

Он встал, подошёл к стене, где висела общая схема «Надежды». Коснулся пальцем — схема подсветилась голубыми линиями. Система рециклинга, энергосеть, вентиляция, гидроконтрактор — всё переплеталось в сложный узор.

— Вот здесь, — он указал на переплетение линий в четвёртой секции, — система рециклинга воды. Томаш и Ким бьются с ней третьи сутки. Плёнка забивает фильтры быстрее, чем они успевают их менять. Ты вчера сказала про биологический контроль. Я подумал над этим.

— И?

— И хочу, чтобы ты попробовала.

— Томаш будет против.

— Томаш сейчас спит. Впервые за трое суток. Когда проснётся — я поговорю с ним.

Сара кивнула. Она понимала ставки: если метод сработает — она станет не просто хранителем БКВ, а незаменимым специалистом. Если не сработает — потеряет авторитет, который ещё толком не заработала.

— Доступ к логам БКВ будет через час, — сказал Храбров. — Иди работай.

Из кабинета Храброва Сара направилась на ферму. Радж возился с тестовым лотком — менял положение ламп, поправлял трубки подачи раствора. Он делал это с такой тщательностью, будто от угла наклона лампы зависела судьба человечества. В каком-то смысле так оно и было. Если урожай погибнет, то гибель всех людей на корабле будет вопросом ближайшего времени.

— Как дела? — спросила Сара.

— Всё то же. — Радж выпрямился, потёр поясницу. — Не растут. Не умирают. Висят в промежуточном состоянии.

Сара взяла пробу раствора из лотка маленьким шприцем и перенесла в пробирку.

— Я посмотрю под микроскопом.

— Смотри, — буркнул Радж. — Только не навреди. И вот ещё что...

Он замолчал, будто решая, стоит ли говорить.

— Я тут покопался в своих старых записях, — сказал он наконец. — Нашёл данные эксперимента на Луне. С теми бактериями. Может, тебе пригодится — чтобы не наступить на те же грабли.

Он протянул ей планшет с файлами.

Сара взяла. Внутри шевельнулось тёплое чувство — Радж не просто уступил. Он пытался помочь.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что. Просто не погуби мой урожай.

В лаборатории Сара поставила пробирку в анализатор. Пока аппарат гудел, обрабатывая образец, она открыла записи Раджа.

История была поучительной. Десять лет назад, на лунной базе «Артемида-7», Радж внёс в гидропонную систему культуру азотфиксирующих бактерий. Первые две недели всё шло отлично: растения ускорили рост, урожайность выросла на сорок процентов. А потом бактерии мутировали. Они адаптировались к питательному раствору, перестроили метаболизм и начали потреблять азот вместо того, чтобы фиксировать его. Растения голодали. Радж заметил слишком поздно — когда листья начали желтеть массово. На восстановление ушло полгода.

«Вывод: бактерии, полезные в открытой почве, могут стать паразитами в замкнутой системе, — написал Радж в конце отчёта. — Использовать с осторожностью. Только после длительного тестирования».

Сара задумалась. Её штамм был другим. *Pseudomonas fluorescens* не фиксировал азот — он растворял фосфаты. У него не было причины мутировать в агрессивную форму, потому что его источник питания был ограничен. Но Радж тоже так думал про свои бактерии.

— Хорошо, — сказала она вслух. — Значит, буду тестировать дольше.

Анализатор пискнул, сообщая о завершении работы. Сара посмотрела на экран.

Результат был ожидаемым: бактерий в образце почти не было. В нормальной гидропонике микроорганизмы исчисляются миллионами на миллилитр. Здесь — считанные единицы.

— То есть растения голодают, — сказала она в никуда. — Нет симбионтов — нет усвоения. Они едят, но не могут переварить.

В дверь постучали. Вошёл Пьер.

— Не отвлекаю?

— Нет. Заходи.

Пьер подошёл к столу, заглянул в микроскоп с видом человека, который понятия не имеет, на что смотрит, но изо всех сил делает вид, что разбирается.

— Что на этот раз?

— Бактерии. Вернее, их отсутствие.

— А, — Пьер понимающе кивнул. — У меня на Земле был случай. Мы работали с замкнутой экосистемой на полигоне во Французской Гвиане. Там тоже всё росло плохо — пока кто-то не догадался добавить культуру бактерий из местного леса. Через две недели растения пошли в рост.

— Через две недели?

— Ну да. Биология не терпит суеты.

Сара задумалась. Две недели — это дольше, чем она рассчитывала. Храбров дал ей пять дней.

— Твоя история может пригодиться, — сказала она. — Расскажешь Раджу?

— Радж мне не поверит. Он считает, что геологи только камни умеют считать.

Сара усмехнулась. Пьер присел на край стола — непринуждённо, по-домашнему. Она заметила, что с ним рядом ей легче дышать. Не потому, что он говорил что-то особенное, — а потому что он умел заполнять тишину так, что она переставала давить.

— Знаешь, — сказал Пьер, вертя в руках пустую пробирку, — я иногда думаю: если бы на Земле кто-то сказал мне, что я буду чинить проводку на космическом корабле, летящем к другой звезде, — я бы решил, что он свихнулся.

— А ты жалеешь, что полетел?

Пьер помолчал. Перестал вертеть пробирку.

— Нет, — сказал он серьёзно. — Ни секунды. Здесь... здесь я нужен. На Земле я был одним из тысячи геологов. Здесь я — единственный.

— Ты не единственный геолог на корабле, — поправила Сара. — Есть ещё трое в криосне.

— Они спят. А я — нет. Значит, пока я единственный. — Он подмигнул. — И единственный, кто приносит тебе пробирки обратно, вместо того чтобы ронять их в коридоре.

— Ты ни разу не приносил мне пробирки.

— Значит, начну. — Он спрыгнул со стола. — Ладно, пойду. Томаш проснулся и, судя по звукам, уже ищет, что я сломал за ночь.

— Спасибо, Пьер.

— Обращайся. — Он направился к выходу, но остановился. — И знаешь что? Не дай им себя задвинуть. Ты права насчёт бактерий. Я это нутром чую.

— Нутром?

— Ну да. — Он почесал затылок. — Геологическое чутьё. Мы им камни находим, а людей — реже. Но ты — правильный человек.

Он вышел.

Сара осталась одна. Экран терминала мигнул — пришло уведомление. Храбров открыл ей полный доступ к логам БКВ.

Она посмотрела на часы. Обед через два часа. Два часа — это много. Достаточно, чтобы начать копать.

Она открыла системные журналы контроллеров сегмента С-7. Данные загружались медленно — файлы были объёмными, хранились в архивном формате. Терминал натужно гудел.

Первые записи были рутинными. Калибровка датчиков, плановые проверки, автоматические отчёты ИИ. Всё стандартно. Всё скучно. Сара листала страницу за страницей, не находя ничего необычного.

А потом нашла.

За месяц до катастрофы. Запись в журнале доступа: «Внеплановая проверка. Ответственный — доктор Ф. Митчелл. Время: 02:47 по корабельному времени. Длительность: 14 минут».

Два сорок семь ночи. Внеплановая проверка. Четырнадцать минут.

Сара полистала дальше. За две недели до катастрофы — ещё одна запись. Снова Митчелл. Снова ночью — три двенадцать. Снова внеплановая. Длительность — одиннадцать минут.

И за день до катастрофы — третья. Та самая, которую она видела раньше. Но теперь, с полным доступом, она видела больше. Не просто «плановая проверка», а детальный лог: Митчелл открыл панель управления сегмента С-7, запросил диагностику криоконтур, изменил параметр давления на 0,02 атмосферы и вернул обратно через сорок секунд.

Изменил и вернул. Зачем?

Сара почувствовала, как холодеют руки. Она знала этот приём. На Земле, в лаборатории, так проверяют реакцию системы на внешнее воздействие. Меняешь параметр — смотришь, как система отреагирует — возвращаешь на место. Это называется «зондирование». Так инженеры тестируют оборудование перед калибровкой.

Или так кто-то проверяет, можно ли вывести систему из строя, не оставив следов.

Сара закрыла файл. Руки дрожали.

Она открыла досье Митчелла — теперь ей был доступен полный файл, не только биографическая справка. Образование, публикации, послужной список. Всё безупречно. Гарвард, Кембридж, три патента, две премии. Идеальный учёный.

Но на предпоследней странице досье была пометка, которую Сара раньше не видела. Маленькая, серая, почти незаметная сноска: «Примечание отборочной комиссии. Первичная заявка отклонена 14.03.2065. Повторная заявка принята 28.09.2065 после смены председателя комиссии (приказ 417-К от 15.09.2065)».

Отклонён. А потом принят — через две недели после смены руководства.

Сара закрыла досье. Посидела минуту, глядя на пустой экран. Потом открыла ещё один файл — список членов отборочной комиссии. Нашла приказ 417-К.

Старый председатель: профессор Ли Чженьхуа, Пекинский университет. Причина замены: «по состоянию здоровья».

Новый председатель: доктор Ральф Эванс, Массачусетский технологический институт.

Сара набрала в поисковике корабельной базы данных: «Ральф Эванс». Результатов было немного — база содержала только файлы, загруженные перед стартом. Но одного результата хватило.

Совместная публикация: «Эванс Р., Митчелл Ф. Генетическая оптимизация криорезистентности у растений семейства Brassicaceae. Journal of Applied Cryobiology, 2063».

Соавторы.

Человек, который заменил председателя комиссии, был соавтором Митчелла. И через две недели после назначения — Митчелл прошёл отбор.

Сара выключила терминал. Встала. Прошла по лаборатории, потирая виски.

Это могло быть совпадением. Учёные публикуются вместе, это нормально. Комиссии меняют председателей, это тоже нормально. Внеплановые проверки БКВ ночью... ну, может, человек не мог уснуть.

Но три визита. Ночью. К одному и тому же сегменту. С зондированием параметров. За месяц до катастрофы, которая чуть не убила всех.

Это не совпадение. Это паттерн.

Сара посмотрела на часы. До обеда — сорок минут. Нужно было идти в столовую, сидеть за общим столом, улыбаться, слушать шутки Пьера и ворчание Томаша. Нужно было делать вид, что всё нормально.

А потом — вечером — она пойдёт к Храброву. И расскажет всё.

Обед прошёл шумно. Марко приготовил рагу из свежих овощей — первый урожай с восстановленной фермы. Радж сидел с видом сурового фермера, принимающего комплименты: кивал, бурчал «ничего особенного», но было видно, что ему приятно.

Карлос, сидевший напротив Сары, был в ударе. Он рассказывал историю о том, как на лунной базе кто-то перепутал контейнеры и вместо удобрений засыпал в грядки стиральный порошок.

— Представляешь, — хохотал он, размахивая вилкой, — помидоры выросли чистые! Прямо сверкали! Есть их, правда, было нельзя...

Все смеялись. Даже Ингрид подняла голову от своего вечного планшета.

Сара смеялась тоже — но глубинными мыслями была далеко. В логах. В досье. В ночных визитах Митчелла к сегменту С-7.

Пьер, сидевший слева от неё, наклонился и тихо спросил:

— Ты в порядке?

— Да. Просто устала.

— Ты каждый день «просто устала». Может, попробуешь «просто отдохнуть»?

— Может, попробую.

— Вечером будем смотреть фильм в рекреационном зале. Диего нашёл в базе старую французскую комедию. С субтитрами, правда, но я могу переводить.

— Переводить комедию — это как объяснять шутку. Перестает быть смешно.

— Зависит от переводчика, — Пьер улыбнулся. — Я очень смешной переводчик.

Карлос, сидевший напротив, перехватил их разговор. Его улыбка чуть дрогнула — на долю секунды, — но он тут же вернулся к своей истории про порошок и помидоры.

Сара заметила эту дрожь. И поняла, что Карлос тоже заметил — и Пьера, и её, и расстояние между их локтями за столом.

Вечером, когда экипаж разошёлся по каютам и рекреационному залу, Сара постучала в дверь Храброва.

В кабинете было полутёмно. Храбров сидел перед выключенной голограммой, пил чай из металлической кружки. Выглядел уставшим — но когда он не выглядел уставшим?

— У меня есть кое-что, — сказала Сара. — Серьёзное.

— Садись, — сказал Храбров.

Она села и открыла планшет. Следующие двадцать минут она выкладывала всё: три ночных визита Митчелла к сегменту С-7, зондирование параметров давления, совпадение по времени с аномалиями на датчиках, историю с отборочной комиссией, соавторство Эванса и Митчелла.

Храбров слушал молча. Не перебивал. Не задавал вопросов. Только пил чай — маленькими глотками, будто отмерял время.

Когда Сара закончила, он поставил кружку.

— Ты понимаешь, что это значит? — спросил он.

— Что Митчелл, возможно, целенаправленно тестировал уязвимости БКВ. Или готовил саботаж. Или работал на кого-то, кто хотел...

— Остановись, — мягко сказал Храбров. — Ты перескакиваешь от данных к выводам. Это опасно. Особенно в замкнутом коллективе, где любое подозрение может взорвать всё.

— Я не собираюсь никому рассказывать.

— Знаю. Но ты уже рассказала мне. А я — капитан. И теперь я обязан что-то с этим делать.

Он встал и прошёлся по кабинету. Остановился у стены со схемой корабля.

— Вот что мы сделаем, — сказал он. — Ты продолжаешь копать. Ищи любые другие следы Митчелла в системах корабля. Не только БКВ — проверь, имел ли он доступ к другим критическим узлам. Но делай это тихо. Никаких разговоров с экипажем.

— А Митчелл?

— Митчелл спит. И будет спать, пока мы не поймём, с чем имеем дело. Будить потенциального саботажника, не зная масштаб угрозы, — самоубийство.

— А если он не саботажник? Если это всё — совпадение?

Храбров посмотрел на неё. В его глазах не было ни паники, ни гнева — только холодная, профессиональная сосредоточенность. Взгляд человека, который привык работать с чужими страхами и научился контролировать собственные.

— Тогда мы извинимся перед ним, когда разбудим, — сказал он. — Но лучше извиниться перед невиновным, чем погибнуть из-за доверия к виновному.

Сара кивнула.

— И ещё одно, — добавил Храбров. — Между тобой и Митчеллом есть личная история. Ты рассказала мне о ней в прошлый раз. Я должен быть уверен: ты ищешь правду или месть?

Вопрос ударил точно. Сара замерла.

— Правду, — сказала она после паузы. — Я давно простила его за статью.

— Простила — или забыла?

— Простила.

Храбров смотрел на неё ещё несколько секунд. Потом кивнул.

— Хорошо. Верю. Иди отдыхай. Завтра — ферма, бактерии, Радж. Детективом будешь заниматься по вечерам.

Сара встала, дошла до двери.

— Юрий Петрович.

— Да?

— Вы ведь тоже заметили тот скачок энергопотребления? Два дня назад?

— Заметил.

— И промолчали?

— Ждал, пока ты заметишь своё. Два кусочка пазла лучше, чем один.

Сара вышла в коридор. Из рекреационного зала доносился смех — экипаж смотрел французскую комедию. Голос Пьера перекрывал остальные, переводя реплики с утрированным акцентом.

Она постояла у двери зала. Заглянула: Карлос сидел в первом ряду, Ким рядом с Ингрид на дальнем диване. Радж ел что-то из миски. Пьер стоял перед экраном, жестикулируя как дирижёр.

Нормальный вечер. Нормальные люди. Смеются, отдыхают, живут.

А где-то в секции F, за запертой дверью с красной маркировкой, в криокапсуле спал человек, который, возможно, пытался их всех убить.

Сара отвернулась от двери и пошла в свою каюту. Завтра — ферма. Послезавтра — трубы. По ночам — Митчелл.

Сон не шёл долго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.